ядромъ, растоптаннаго конницей, проѣхавшей черезъ него, бросили въ яму, какъ дохлую собаку. И она спроситъ: зачѣмъ убили дорогаго мальчика — ея надежду, гордость, жизнь? Никто не знаетъ. Да, зачѣмъ?»

«Война! Драться! Рѣзаться! Убивать людей! Да, въ наше время, съ нашимъ просвѣщеніемъ, съ нашей наукой, съ нашей философіей, существуетъ учрежденіе особыхъ училищъ, въ которыхъ учатъ убивать, убивать издалека, съ совершенствомъ, убивать много людей сразу, убивать несчастныхъ, жалкихъ людей, ни въ чемъ не виноватыхъ людей, поддерживающихъ семьи, и убивать ихъ безъ всякаго суда».

«И самое удивительное — это то, что народъ не поднимается противъ правительствъ, — все равно, въ монархіи или республикѣ. Самое удивительное то, что все общество не взбунтуется при одномъ словѣ: война».

«Да, видно мы всегда будемъ жить старыми, ужасными обычаями, преступными суевѣріями, кровожадными понятіями нашихъ предковъ. Видно, какъ мы были звѣрями, такъ и останемся звѣрями, руководимыми только инстинктомъ».

«Едва-ли кто нибудь, кромѣ Виктора Гюго, могъ-бы безнаказанно кликнуть кличъ освобожденія и истины!»

«Силу уже начинаютъ называть насиліемъ и судить ее, сказалъ онъ. Война призывается на судъ. Просвѣщеніе по жалобѣ рода человѣческаго ведетъ судебное дѣло и представляетъ обвинительный актъ противъ всѣхъ завоевателей и полководцевъ».

«Люди начинаютъ понимать то, что увеличеніе преступленія не можетъ быть его уменьшеніемъ; что если убійство есть преступленіе, то убійство многихъ не можетъ быть смягчающимъ обстоятельствомъ; что если стыдно красть, то захватъ никакъ не можетъ быть предметомъ прославленія».

«Провозгласимъ-же эту несомнѣнную истину, обезчестимъ войну».

«Напрасный гнѣвъ», продолжаетъ Мопасанъ, «негодованіе поэта. Война уважаема, почитаема теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Искусный артистъ по этой части, геніальный убійца, г-нъ фонъ Мольтке отвѣчалъ однажды депутатамъ общества мира слѣдующими страшными словами: «Война свята и божественнаго установленія, война есть одинъ изъ священныхъ законовъ міра, она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія и благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость. Только вслѣдствіе войны люди не впадаютъ въ самый грубый матеріализмъ».

«Собираться стадами въ 400 тысячъ человѣкъ, ходить безъ отдыха день и ночь, ни о чемъ не думая, ничего не изучая, ничему не учась, ничего не читая, никому не принося пользы, валяясь въ нечистотахъ ночуя въ грязи, живя какъ скотъ, въ постоянномъ одуреніи, грабя города, сжигая деревни, раззоряя народы, потомъ, встрѣчаясь съ такими-же скопленіями человѣческаго мяса, наброситься на него, пролить рѣки крови, устлать поля размозженными, смѣшанными съ грязью и кровяной землей тѣлами, лишиться рукъ, ногъ, съ размозженной головой безъ всякой пользы для кого-бы то ни было издохнуть гдѣ нибудь на межѣ въ то время, какъ ваши старики родители, ваша жена и ваши дѣти умираютъ съ голоду — это называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Военные люди — главное бѣдствіе міра. Мы боремся съ природой, съ невѣжествомъ, чтобы хоть сколько нибудь улучшить наше жалкое существованіе. Ученые посвящаютъ труду всю жизнь для того, чтобы найти средства помочь, облегчить судьбу своихъ братьевъ. И упорно трудясь и дѣлая открытіе за открытіемъ, они обогащаютъ умъ человѣческій, расширяютъ науку, каждый день даютъ новыя знанія, каждый день увеличивая благосостояніе, достатокъ, силу народа».

«И вотъ наступаетъ война. Въ шесть мѣсяцевъ генералы разрушаютъ все то, что творилось въ продолженіи 20 лѣтъ усилія, терпѣнія, геніальности. И это все называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Мы ее видѣли, войну. Мы видѣли, какъ люди сдѣлались опять звѣрями, какъ они, какъ шальные, убивали изъ удовольствія, изъ страха, для молодчества, для похвальбы. Мы видѣли, какъ, освободившись отъ понятій закона и права, они разстрѣливали невинныхъ, застигнутыхъ на дорогѣ и показавшихся подозрительными только потому, что они испугались. Мы видѣли, какъ убивали привязанныхъ у дверей хозяевъ собакъ, только чтобы попробовать новый револьверъ. Мы видѣли, какъ разстрѣливали лежавшихъ въ полѣ коровъ безъ всякой надобности, только чтобы пострѣлять для потѣхи. И это называется не впадать въ самый безобразный матеріализмъ».

«Вступить въ страну, зарѣзать человѣка, который защищаетъ свой домъ, потому что онъ одѣтъ въ блузу и у него нѣтъ на головѣ военной фуражки; сжигать дома бѣдняковъ, которымъ ѣсть нечего, разбивать, красть мебель, выпивать вино изъ чужихъ погребовъ, насиловать женщинъ на улицахъ, сжигать пороху на милліоны франковъ и оставить послѣ себя разореніе, болѣзни, — это называется не впадать въ самый грубый матеріализмъ».

«Что-же наконецъ они сдѣлали, военные